

К.В. ХВОСТОВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОБЫТИЙНОСТИ

В настоящей статье автор ставит своей целью осуществить сравнительную характеристику понимания события в исторической науке и в философии. Согласно философии Хайдеггера и Делёза, только большие феномены, превосходящие границы повседневности, могут быть названы «событием». Опираясь на эпистемологические и методологические принципы постнеклассической научной парадигмы и принимая в расчет тесные взаимоотношения крупных универсальных событий и феноменов повседневности, автор утверждает, что последние также обладают статусом события.

Ключевые слова: событие, историческое событие, философия, историческая наука, Хайдеггер, Делёз, повседневность.

Изучение проблемы исторического события в настоящее время отличается целым рядом научных достижений. Событие находится в центре внимания ряда направлений исторической и философской мысли. Многие современные достижения отечественных и зарубежных школ при рассмотрении соответствующей проблематики отмечены и положительно оценены в фундаментальной монографии Л.А. Микешиной¹.

Акцентируя в данной статье специфические особенности конкретно-исторического и философского подходов к данной проблеме, отметим, что для первого из них характерна тесная связь с критическим источниковедением. В рамках источниковедческого анализа устанавливается подлинность соответствующих сведений, их датировка, особенность идеологии и степень осведомленности их авторов, и ряд других проблем, раскрывающих представления о событии авторов источников. На втором уровне анализа материала формируются отношения современного историка и философа к соответствующей информации.

Основываясь на ряде достижений постнеклассической научной парадигмы, полагаем, что в рамках исторической науки историческое событие правомерно определить как научное умозаключение современного исследователя, фиксирующее устойчивую совокупность результатов физических и интеллектуальных действий исторических агентов в фиксированном пространственно-временном ареале. Соответственно, исторический факт понимается как подобное умозаключение относительно единичных результатов названных действий. Таким образом, понятия исторических событий и фактов отражают представления о результатах социального поведения исторических агентов и соответственно являются объектом поведенческой науки о прошлом как части историописания. Иногда авторы конкретно-исторических и теоретических работ отождествляют события и факты². В известных исследовательских ситуаци-

¹ Микешина 2015: 187, 175. См. также: Событие и время... 2018.

² Про 2000: 59.

ях при анализе конкретных пространственно-временных диапазонов отдаленного прошлого подобная практика представляется не только допустимой, но и оправданной, поскольку в историческом исследовании иногда трудно фиксировать точные пределы названных протяженностей произошедшего. В зависимости от постановки проблем и авторских акцентов такие границы могут интерпретироваться по-разному.

Для прояснения названных понятий обратимся к лингвистическим данным. В древне- и новогреческом языках, как и в русском, со-бытие означает некоторое единство однородных явлений³. Событие, таким образом, как правило, состоит из одного, нескольких или многих фактов. Их число определяется историком на основе анализа источников. Однако необходимо учитывать, что понимание фактов и событий во многом связано с ценностными представлениями исследователя и его индивидуальной интерпретацией изучаемой исторической ситуации. К тому же выводы историка формируются на материале исторических источников, которые в свою очередь отражают ценностные установки их авторов. Приллюстрируем авторское понимание соотношения фактов и событий на примере анализа деловых документов Византии XIV в., явившихся предметом собственных исследований автора данной статьи⁴.

Сохранились и частично изданы документы, оформлявшие пожалование византийским императором земельных владений крупным монастырям на Афоне. Эти акции оформлялись серией фактов, образующих в своей совокупности названное событие. Процедура начиналась с факта обращения физического представителя соответствующего юридического лица – обычно настоятеля монастыря – к императору с просьбой осуществить пожалование, затем следовал письменно выраженный факт согласия императора выполнить данную просьбу. Наконец следует факт издания документа, юридически оформляющего соответствующее пожалование. Характеристика совокупности названных фактов составляет умозаключение исследователя, констатирующее событие пожалования земельного владения соответствующему юридическому лицу. Очевидно, каждый из перечисленных фактов, в свою очередь, может быть представлен (при наличии в источниках соответствующих сведений) как событие, т.е. сумма более мелких фактов, характеризующих, в частности, психологические настроения агентов, например, степень заинтересованности сторон. Совокупность всех выявленных историком основных и сопутствующих фактов и составляет в данной исследовательской ситуации историческое событие, значимое в системе религиозных, юридических, экономических и политических отношений эпохи.

То, что понятия «факт» и «событие» могут при соответствующих акцентах замещать друг друга, свидетельствует о том, что они наряду с эпистемологическим и методологическим содержанием включают еще

³ Вейсман 1991: 1175–1176.

⁴ Хвостова 2009: 20–45.

и ценностный аспект. Он проявляется в том, что в историческом нарративе всегда явно или неявно присутствует психологическая и ценностная составляющая взглядов исследователя. Она проявляется как в личностной интерпретации сведений, так и в их отборе. Детальность при понимании соответствующей проблематики отличает позицию историка от позиции философа, оперирующего общими понятиями, не вдаваясь в рассмотрение их структуры, о чем будет сказано ниже.

Понимание события в исторической науке отличается от такового в современной теории вероятностей, в рамках которой событие связывается с понятием факта. «Под событием понимается всякий факт, который может произойти или не произойти», говорится в основополагающем труде по теории вероятностей⁵. Факт, таким образом, мыслится как потенциальная возможность события, тогда как событие – это реализованный факт. Далее, как в теории вероятностей, так и в исторических исследованиях событие или факт в некоторых исследовательских ситуациях именуется «случай». В теории вероятностей случай определяется как шанс, т.е. вероятность появления события⁶. В историописании случай, случайное событие или случайный факт – это понимание результата единичных или коллективных действий агентов как нередуцируемых или слабо редуцируемых к предыдущим фактам, событиям или итоговым ситуациям. То обстоятельство, что в историописании в ряде исследовательских ситуаций событие, факт и случай отождествляются, является, на наш взгляд, эпистемологическим оправданием применения в исторических исследованиях количественных показателей, составляющих исторические тенденции, а также вероятностно-статистических методов, характеризующих случайно-вероятностные процессы⁷. Для автора данной статьи, занимавшейся византийской историей, важно то, что в древнегреческом языке понятия события и факта не только отождествляются, но и обозначаются тем же наименованием, что и случай⁸.

Для современного понимания события, факта и случая в историописании неприменимо характерное для Дюркгейма и других последователей позитивизма отождествление исторический факт с фактом в естественнонаучном знании⁹. Исторический факт и событие только условно и образно могут характеризоваться как вещь, поскольку их понимание связано с ценностно-психологическими представлениями, как современного историка, так и авторов исторических источников.

Например, случайным событием в рамках современного знания целесообразно считать результаты субъективной оценки историческими

⁵ Вентцель 1969: 23.

⁶ Там же: 24.

⁷ Хвостова 2009: 111.

⁸ Вейсман 1969: 24.

⁹ Дюркгейм 1991: 394.

агентами прошлого некоторой современной им ситуации в обществе, как благоприятный временной момент для принятия определенного решения и свершения некоторого действия. Понятие такого момента в Античности и в Византии обозначалось «кайрос»¹⁰. Кайрологическое время, зафиксированное в источниках, отражает, таким образом, чувственно-психологические представления, целевую установку, индивидуальную ориентацию агента в сложившейся ситуации, т.е. его личную оценку происходящего и соответствующую заинтересованность.

Акцентирование современным исследователем роли чувственно-психологических факторов при оценке кайрологического времени учитывает сложные философские традиции изучения феномена времени, восходящие к Платону, Канту, Бергсону, представителям разных философских школ. Кроме того, при анализе понятия «кайрос», отражавшего античные и византийские традиции понимания социального поведения агента, напрашивается, возможно, не совсем корректная аналогия с Августином, отражавшая западные традиции и также ассоциирующая короткое время с чувственно-психологическими переживаниями агента¹¹.

В любой ситуации выбор кайроса деятелями прошлого носил ценностный характер, так как не только учитывал логику вещей, но также оценивал полезность предполагаемого поступка. Античное и византийское понятие кайроса – не только образная метафора современной логической импликации, вводимой союзами «если... то», оно отражало стереотипность, цикличность социального поведения агентов.

Изучение количественных характеристик однородных фактов и событий, образующих пространственно-временные тенденции и традиции, имеет для историка, анализирующего особенности временных процессов, еще и дополнительный интерес. Подобные сведения позволяют констатировать в соответствующих регулярностях наличие относительно строгого временного ритма. Так, например, в Византии практиковалась строгая регламентация системы и сроков взимания налогов, осуществляемая регулярными кадастерскими ревизиями. Иными словами, такие события следовали через определенные, фиксированные промежутки времени. Что же касается кайрологического времени то оно, хотя и предполагало ситуации, повторяющиеся во времени, однако подобные циклы не отличались строгой ритмичностью. Время наступления благоприятного момента для свершения определенного действия остается непредсказуемым для исторического агента.

Проблема исторической событийности находится в центре внимания не только историков, но и философов. В частности, Хайдеггер, подчеркивал неповторимость и значимость исторических событий, противостоящих усредненной повседневности. Он полагал, что, оценивая повседневную общественную жизнь, ее не следует именовать подлинным

¹⁰ Хайдеггер распространил понятие «кайрос» на всякое историческое время, назвав его «*время для...*» – Хайдеггер 2002: 1414.

¹¹ Творения Блаженного Августина 1880: 379.

социальным бытием, и, соответственно, отдельные проявления подобной усредненности не могут называться событием¹². Повседневность – это единая расплывчатая целостность, неподлинное бытие, не имеющее онтологического статуса и не представляющее интереса для философа. Действия человека в условиях подобной будничности связаны с инерцией привычной повседневной деятельности, которая не дает ему возможность проявить себя как личность, т.е. совершить нечто, заслуживающее названия события. По отношению к подобным усредненным периодам правомерно говорить не о личностях, а о людях, как единой массе. Подлинное бытие следует понимать, как «онтологический просвет» в усредненной повседневности и создание благоприятных условий для творческой активности человека. Результаты подобной деятельности правомерно называть событием¹³. Событие, отражая неповторимость бытия, характеризует онтологию, сущность исторического процесса.

Идеи, близкие к рассмотренным представлениям Хайдеггера, высказывает Делёз. В соответствии с общими постмодернистскими идеями философ понимает событие как «эффект», разрывающий повседневную усредненность. Делёз развивает идею характерной для повседневности молекулярности, непрерывного становления, рассредоточенности признаков, ризомы. Иными словами, он выступает против идеи периодизации социального развития путем выделения его этапов, отвергая предпринимавшие историками и социологами попытки вычлнить в непрерывном становлении отдельные качественно различающиеся эпохи. Событие, как его понимает Делёз, вырывается из процесса бесконечного становления как «эффект», отличный от обыденности бытия, как событие, не изменяя при этом хода и содержания поступательного развития, понимаемого как вечное повторение¹⁴.

Современный отечественный политолог М.М. Федорова присоединяется к рассмотренным взглядам выдающихся философов, а также упоминает близкие по содержанию идеи Х. Арентт, М. Мерло-Понти и др.¹⁵ Автор ссылается и на ученых, признающих событийность повседневности, в частности, говорится о такой позиции М. Блока и М. Фуко. Действительно, Блок, признавая критический метод изучения прошлого, отстаивал идею необходимости и значимости анализа историком всей совокупности сохранившихся фактов прошлого¹⁶. А Фуко не исключал даже правомерность применения в истории математических методов при изучении однородных фактов-вещей¹⁷. Очевидно, столь существенные различия во взглядах объясняются акцентированием одними из

¹² Хайдеггер 1997: 126, 129.

¹³ Хайдеггер 1993: 198.

¹⁴ Делёз 1995: 21–22.

¹⁵ Федорова.2019: 43, 45, 47.

¹⁶ Блок 1986: 11.

¹⁷ Фуко 1994: 369.

них только глобальных факторов исторического развития и вниманием других к их разнообразным детальным проявлениям.

Полагаем, что рассмотренные философские идеи Хайдеггера, Делеза и других исследователей, развивающих близкие взгляды, целесообразно оценить с учетом некоторых традиций понимания бытия и события в античной философии. Согласно воззрениям Парменида и Платона бытие рассматривается как вид реальности, имеющей завершенность, т.е. предел. Именно наличие предела делает бытие доступным для нашего сознания и соответственно постижения. Наряду с этим существует беспредельная множественная реальность, не являющаяся в силу отсутствия предела объектом познания¹⁸. Можно считать, что идеи Хайдеггера о подлинном бытии, онтологическом просвете или событии, отличные от неподлинного бытия, а также представления Делёза об обыденном бытии и постбытии, эффекте, именуемом событием, в известной мере сопоставимы с названными античными традициями. Полагаем, что идеи Хайдеггера и Делёза о событийности переводят онтологические идеи античности о бытии и его пределе-событии в феноменологическую, конкретно-историческую и даже социологическую плоскости.

Несомненно, в обобщающих работах по истории наибольшее внимание уделяется крупным событиям мирового значения, но при этом оценивается и общий уровень развития соответствующего региона, содержатся общие характеристики культуры, экономики, политики. Что же касается конкретно-исторических исследований, составляющих базу обобщающих работ, то они всегда включают анализ повседневности, понимаемой как событийность и бытийность, о чем свидетельствует понимание события как свершившегося факта теории вероятности. Кроме того, применение математических методов при анализе экономических, социальных, правовых тенденций прошлого, позволяет, как уже отмечалось, получать обобщающие характеристики этих явлений, сопоставимые с крупными событиями, имеющими качественное выражение.

Сведёние понятия «событие» только к крупномасштабным проявлениям, на наш взгляд, недостаточно для понимания истории еще и потому, что подобный подход не позволяет рассматривать такое исторически значимое явление как правовая история, состоящая из серии правовых казусов, как малых событий социального бытия. В целом позиция историков, относящаяся к пониманию события, очевидно существенно отличается от таковой в философии.

В этой связи стоит отметить, что в рамках постнеклассической научной парадигмы в отличие от классического и неклассического знания, огромное значение придается таким исследовательским процедурам как фрактальность, детализация, деструкция целостности, формирование ее нового образа с помощью трансдисциплинарности, а также анализ коротких временных интервалов. Соответственно, при репре-

¹⁸ Доброхотов 1986: 10, 68, 90.

зентации научных выводов возрастает роль нарратива. Распространенность и значимость подобных методологических приемов свидетельствует, по мнению лидеров современной синергетики И. Пригожина и К. Майнцера о тенденции к сближению естественнонаучного и исторического знания и даже о влиянии методологии и эпистемологии историописания на общенаучную исследовательскую практику¹⁹.

Принимая во внимание названные представления лидеров синергетики, а также практику конкретных исторических исследований, полагаем, что философская позиция, акцентирующая роль всемирных значимых явлений исторической жизни и однозначно закрепляющая за ними понятие «событие», не отвечает не только задачам и целям исторической науки, но и современной методологии в целом.

Историк в своем стремлении представить развитие прошлого во всем его разнообразии подчеркивает то обстоятельство, что крупные события, влияющие на ход всемирной истории, подготавливаются длительными процессами повседневности, содержащими их причины и факторы. Поэтому процессы повседневности не только заслуживают пристального внимания, но и наименования «событие».

Для историков также существенно, что крупные события мирового значения – «эффекты» и «просветы» в повседневности, – не мгновенны, они имеют временную и пространственную протяженность и, соответственно, могут быть представлены как совокупность отдельных более коротких во времени проявлений, каждое из которых заслуживает специального изучения и наименования «события».

Без пристального анализа малых событий и фактов невозможно понять значимость крупных событий. Соответственно, временной ряд малых однородных событий, образующих тенденции и традиции и характеризующий роль в истории пространственно-временного фактора, представляет, как мы полагаем, не только исторический, но и философский интерес. А именно изучение пространственно-временных тенденций в рамках исторического исследования (политического, социально-экономического, культурологического) иллюстрирует значимость фрактальности, детализации, нарративности, признаваемых в рамках постнеклассической парадигмы неотъемлемыми атрибутами научного знания.

Анализ однородных исторических тенденций, образуемых малыми событиями, обнаруживает такую особенность историописания как специфическая роль индукции в историческом нарративе. Известно, что согласно традициям, восходящим не только к Попперу и Лакатосу, но и к герменевтике Дильтея, в современной науке констатируется ограниченная роль индукции в научном знании. Считается, что индукция не позволяет в полной мере распространить результаты эксперимента на необследованную совокупность соответствующих данных. Иными сло-

¹⁹ Пригожин 1991: 513; Майнцер 2010: 186.

вами, индукция не позволяет на основе знания о прошлом судить о будущем²⁰. Однако историк не прогнозирует будущее, а изучает ограниченный пространственно-временной диапазон прошлого.

Соответственно, индукция лежит в основе сравнительно-исторического метода, позволяющего получать обобщающие выводы о рядовых, однородных событиях повседневности, образующих тенденции и традиции. Кроме того, индукция лежит в основе применения в исторических исследованиях вероятностно-статистических методов, дает возможность получать обобщающие числовые легко сопоставимые характеристики тенденций повседневности.

В современной исторической науке наряду с практикой получения общего знания на основе индуктивного анализа сведений о конкретной событийности имеет место и противоположная стратегия, подразумевающая изучение конкретной повседневной событийности, на основе знания об общих понятиях. Обратимся в целях иллюстрации подобной процедуры к результатам собственного исследования автора данной статьи в области византийской истории.

В византийском богословии существовало понятие «прония», означавшее божественное провидение. Его содержание восходит к еще более абстрактному понятию с аналогичным наименованием в античности, означающему любое попечение, заботу. На протяжении многовековой истории Византии происходило постепенное расширение смыслового диапазона данного понятия, завершившееся его внедрением в повседневную практику. Во многих деловых и других источниках поздней Византии данное понятие употребляется в значении пожалования императором чиновнику в качестве вознаграждения за службу определенной налоговой квоты²¹. Имеет место, таким образом, радикальная фрактальность, детализация и фрагментация обобщающего, первоначально абстрактного понятия «прония». В своем новом значении «прония» характеризует отдельные повторяющиеся события повседневности. Можно считать, что данный вывод правомерно оценить в рамках современной эпистемологии как результат трансдисциплинарности, подразумевающей создание с помощью интеллектуальной рефлексии единого образа гетерогенных явлений. В данной исследовательской ситуации в основе подобной процедуры лежит язык. А именно смысловой диапазон античного понятия «прония» в результате многих уточняющих процедур получил свое конечное конкретное расширенное содержание.

В современной исторической науке связь представлений о конкретной событийности, усредненности с абстрактными понятиями о бытии обнаруживается при употреблении в конкретных исследованиях таких глобальных понятий как цивилизация, культура, общество, государство и т.д. Каждое из этих понятий имеет в своем семантическом

²⁰ Миллер 2012: 113.

²¹ Хвостова 2009: 63.

диапазоне образ многих конкретных событий. Можно вспомнить в этой связи известное мнение Кассирера относительно особенностей связи в гуманитарном знании дедуктивного представления и единичных конкретных свидетельств²². Все сказанное выше можно рассматривать как эпистемологическое оправдание представлений историка о научной значимости взаимосвязи конкретной исторической событийности с крупномасштабными событиями.

Обращение к повседневной исторической событийности возвращает повествование к идее временности, точнее к понятию короткого исторического времени, характеризующего временные границы событийности. Понятие этих границ, как и другие гуманитарные понятия имеют размытые очертания. Мы имеем дело с образом и представлениями о нем в рамках современного конструктивизма. Названная проблематика связана с пониманием реальности, независимой от нашего сознания, восходящим к идеям Канта о «вещи в себе» и к Риккерт, сводящему всякое знание к сознанию человека. Академик В.Я. Лекторский на основе детального изучения современных нейрофизиологических исследований, в которых отсутствует однозначное мнение о характере реальности, в которой живет и ориентируется человек, предлагает некоторое условное ее понимание: «Человек не демиург вселенной. Его сознание не создает реальный мир. Человек познает мир в формах своей деятельности и своими действиями создает новый уровень реальности²³. Подобный тип реальности условно можно обозначить как реальность «для нас». Однако различие реальности «для нас» и реальности, не зависящей от нас, не исключает признания значимости идей конструктивизма, подразумевающего особенности авторского индивидуального и ценностного подхода к изучаемым событиям прошлого.

Относительный индивидуальный временной характер научных выводов, признаваемый в рамках постнеклассической парадигмы, проявляется, в частности, в переходе в современной физике от ньютоновской классической детерминистской парадигмы к синергетике с ее вероятностно-статистическими идеями самоорганизации.

Подводя итоги данного исследования, повторяем, что на идеях постнеклассической парадигмы основан авторский вывод о тесной взаимосвязи в исторической перспективе событий мирового масштаба и усредненной будничной событийности. О едином познавательном образе этих событий свидетельствуют лингвистические традиции древнегреческого языка, в котором событие обозначается как единство произошедшего и отождествляется с понятием случая.

Вывод автора о взаимосвязи и взаимозависимости малых повторяющихся событий повседневности с крупномасштабными событиями,

²² Кассирер 1998: 76.

²³ Лекторский 2017: 21.

имеющими мировое значение, имплицитно учитывает идеографические идеи Виндельбанда, историцизм и герменевтику Дильтея, идеи современной аксиологии. Иными словами, в центре внимания автора данной статьи находятся многие научные представления, в рамках которых явно или неявно осуществлялась критика метафизики в науке.

Однако, как было сказано выше, большую роль в авторской концепции тесной взаимосвязи и взаимозависимости крупномасштабных и мелких повторяющихся по своей структуре и значимости событий, играют современные исследовательские практики. В частности, говорилось о роли применения вероятностно-статистических методов (добавим, и дифференциальных уравнений), позволяющих получить единые обобщающие характеристики тенденций, состоящих из мелких событий и рассматриваемых как сопоставимые по своей исторической роли с крупномасштабными событиями.

Возвращаясь еще раз к идее кайроса, подчеркнем его циклический характер. Как отмечалось, можно считать, что кайрос является метафорой логической импликации, вводимой союзами «если... то», т.е. подчеркивает связь соответствующих временных составляющих, характерную как для мелких, так и крупномасштабных событий.

В итоге приходим к выводу о необходимости в историческом знании, в отличие от философского, изучать глобальные события в тесной связи с составляющими их и обусловившими их появление событиями повседневности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 [Blok M. Apologiia istorii ili remeslo istorika. M., 1986].
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1991 [Veisman A.D. Grechesko-russkiy slovar. SPb., 1991].
- Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1969 [Venttsel' E.S. Teoriya veroyatnostey. M., 1969].
- Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995 [Deleuze J. Logika smysla. M., 1995].
- Добронравов А.Л. Категории бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986 [Dobronravov A.L. Kategorii bytiya v classicheskoy zapadnoevropeiskoy filosofii. M., 1986].
- Дюркгейм Э. Метод социологии // Эмиль Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991 [Dürkheim E. Metod sotciologii // Emil Dürkheim. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotciologii. M., 1991].
- Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер. Избранное. Опыт наук о человеке. М., 1998 [Kassirer E. Logika nauk o kul'ture // Kassirer. Izbrannoe. Opyt nauk o cheloveke. M., 1998].
- Лекторский В.Л. Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 19–27 [Lektorskiy V.L. Poznanie, deistvie, realnost' // Voprosy filosofii. 2017. № 9. S. 19–27].
- Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84–98 [Mainster K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke // Voprosy filosofii. 2010. № 10. S. 84–98].
- Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М., 2016 [Mikeshina L.A. Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdisciplinarnye sintezy. M., 2016].
- Миллер Д. Машинное угадывание // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 110–119 [Miller D. Mashinnoe ugadyvanie // Voprosy filosofii. 2012. № 7. S. 110–119].
- Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. №8. С. 3–18 [Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. № 8. S. 3–18].

- Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000 [Praud A. Dvenadcat urokov po istorii. M., 2000].
- Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX в. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2018. 512 с. [Sobytiye i vremya v evropejskoj istoricheskoj kul'ture XVI – nachala XX v. / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: «Akvilon», 2018. 512 s.]
- Творения Блаженного Августина, епископа Иппоникийского. Киев, 1850. Ч. 1 [Tvoreniya Blazhennogo Augustina, episkopa Ipponikiyskogo. Kiev, 1850. Ch. 1.]
- Федорова М.М. Событие: современные подходы к формированию понятия // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 40–49 [Fedorova M.M. Sobytiye: sovremennye podhody k formirovaniyu poniatiya // Voprosy filosofii. 2019. № 6. S. 40–49].
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994 [Foucault M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb., 1994].
- Хайдеггер М. Время и бытие М., 1993 [Heidegger M. Vremya i bytie M., 1993].
- Хайдеггер М., Бытие и время. М., 1997 [Heidegger M. Bytie i vremya. M., 1997].
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. М., 2009 [Khvostova K.V. Vizantiyskaya tsivilizatciya kak istoricheskaya paradigma. M., 2009].

Хвостова Ксения Владимировна: доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; hvks@mail.ru

Once more of historical events

The article is devoted to the analysis of difference in the interpretation of the concept of the Event in philosophy and historical sciences. According to philosophy of Heidegger and Deleuze, only great phenomena, which exceed the bounds of everyday life, can be called the Event. The everyday phenomena cannot be defined as Events. Taking in account the close relations of great universal Events and everyday events, and on the basis of contemporary post-nonclassical scientific paradigm, the author concludes that everyday phenomena can also be classified as Events.

Keywords: the Event, historical event, philosophy, Heidegger, Deleuze, daily life

Kseniya Khvostova: Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Institute of World History RAS; hvks@mail.ru